

По окончании джигитовки эскадроны разделились: Кавказский отошел на одну сторону манежа, Терский остался по другую; одна часть Терского эскадрона сбилась, другая осталась с коноводами, а третья вышла вперед и прикрыла особую сбитенную часть. Как только это было исполнено, конной частью было командовано «ложись». Одни из составивших эту часть миготом сошли с лошадей и положились (сбатовались) нах, другие сбывали это не слезая, т. е. сидя на конях заставили их ложиться. Сбитенные казаки находились позади сбатованных лошадей, с которыми залегли их хозяева, отарывшие огонь; в это время Кавказский эскадрон пошел рысью, чтобы атаковать стрелков, но как только они приблизились, сбитенные казаки выскочили вперед и открыли по ним огонь, а казаки, лежавшие за лошадьми, встали, подняли лошадей, сбили на них и сшибов (поселись) помогать своим сбитенным товарищам. Кавказский эскадрон повернул назад. После этого оба эскадрона прошли мимо Его Высочества церемониальным маршем по прямой и снова выстроились в одну линию.

Его Высочество поправился эти ихти паздники, и он поручил управляющему делами Императорской Главной Кварталы, Святы Его Величества переплат-маиору Воейкову передать благодарность Его Высочества молотам конвойцам.

Поблагодарив затем генерала Воейкова и командира конвой, Его Высочество оставил манеж.

(Из № 278 Прав. Вестн.)

24-го ноября, в память Императрицы Екатерины II, в аудитории Педагогического музея (проходило, как сообщается в «Вед. С-Петербурга. Гр. доп.»), чтение «Речева» Екатерины Второй». По окончании этого чтения хор обучающихся при музее исполнил гимн «Гром победы раздается». Затем, когда лектор закончил свое чтение по желанию здравия и благоденствия нмъ благополучно царствующему Царю-Освободителю, хор исполнил: «Слава, слава!» при оглушительных рукоплесканиях слушателей, причеъ отарился громадный вонзель Государа Императора изъ генеральных трубок. Крики «ура» перебивались съ громкими требованиями парадного гимна, который и был тотчас исполнен хором, при восторженном настроении слушателей.

Пулковская Обсерватория сообщает, что от русских наблюдателей прохождения Венеры получены следующие телеграммы:

Нерчинскъ. Три прикосновения были наблюдены телометромъ, диаметр восемь диаметров и 30 разстояний Венеры.

Тегеранъ. Наблюдения надъ прохождением Венеры вполне удалась.

Оивы (въ Египтѣ). Погода была превосходная и произведены были наблюдения.

Кяхта. На поденный сильно препятствовали облака; получено только восемь фотографических изображений.

Саратовъ. Небо было совершенно пасмурное.

Посадъ. Фотографические снимки по их развитию, оказались по большей части вполне удовлетворительными.

(Из № 279 Прав. Вестн.)

ТЕЛЕГРАММЫ.

МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕЛЕГРАФИЧЕСКОГО АГЕНТСТВА.

Берлинъ, 23-го ноября (10-го декабря), четверг. Въ сегодняшнемъ засѣданіи суда выслушано было также показаніе директора канцеляріи германскаго посольства въ Парижѣ Гаммерсдёрфера. Онъ объяснилъ, что записываніе бумагъ во входящія и исходящія журналы производилось постоянно лишь послѣ накопленія ихъ, чрезъ три-четыре недѣли, и производилось всегда имъ, свидѣлемъ, но не послѣ отозванія графа Арнимъ изъ Парижа. На сдѣланый ему вопросъ свидѣтель дополнилъ, что внесеніе некоторыхъ бумагъ могло произойти и по отъез-

нѣ графа Арнимъ. Свидѣтель допустилъ возможность, что можетъ быть некоторые документы заложены куда-нибудь. По его словамъ, обвиняемый очень близорукъ и часто по этой причинѣ закладываетъ документы не въ подлежащія для храненія ихъ мѣста.

Третій свидѣтель, заѣзжавшій германскимъ консульствомъ въ Марсели Гепе, не далъ никакихъ существенныхъ для дѣла показаній.

При закрытіи сегодняшняго засѣданія прокуроръ заявилъ, что послѣ вчерашняго недобитнаго засѣданія суда въ «Фоссово Газетѣ» появился подробный о томъ отчетъ, съ текстомъ рѣчи, произнесенной защитникомъ Докгорномъ, повидному составленной по его черновой, на что не было дано разрѣшенія на судомъ, ни прокурорскимъ надзоромъ. Прокуроръ предоставилъ себѣ принять въ этомъ отношеніи дальнѣйшія мѣры.

29-го ноября (11-го декабря), пятница. Въ сегодняшнемъ засѣданіи суда продолжали показанія другихъ свидѣтелей. Защитникъ Докгоръ утверждаетъ, что секретарь посольства Голстейнъ, въ декабрѣ 1873 года, сознался обвиняемому, что ему предписано слѣдить за графомъ Арнимомъ и доносить о немъ. Тайный секретарь Шевенъ объявилъ, что онъ ничего подобнаго не знаетъ.

Судъ постановилъ вызвать по телеграфу секретаря посольства Голстейна. Защита и обвиняемый старались объяснить исчезновеніе некоторыхъ документовъ расположеніемъ рабочаго кабинета, который былъ переполненъ газетами, а также близорукостью обвиняемаго. Профессоръ Девисъ показалъ, что обвиняемый неоднократно сообщался съ нимъ относительно мѣръ, которыми ему угрожаютъ. По словамъ свидѣтеля, онъ находилъ возможнымъ начать процессъ о диффамачіи, и составилъ прошеніе о вознагражденіи по поводу удержаннаго у графа Арнимъ сдѣловавшаго ему содержанія.

Судъ отклонилъ предложеніе Докгорна о вызваніи, въ качествѣ свидѣтеля, Мункеля, который подавалъ прошеніе о начатіи процесса по обвиненію въ диффамачіи.

Затѣмъ послѣдовало чтеніе документовъ, заключающихся въ третьей рубрикѣ официального акта. Свидѣтели, прибывшіе изъ Парижа, отпущены судомъ, за исключеніемъ графа Весделена.

Предсѣдатель суда спросилъ графа Арнимъ о статьѣ, напечатанной въ брюссельской газетѣ «Echo du Parlement». Обвиняемый призналъ, что онъ поручалъ Бекману составить эту статью, а также сообщилъ въ авторствѣ статьи «Кельнской Газетѣ» по вопросу о выступленіи немецкихъ войскъ изъ Франціи. Графъ Арнимъ утверждалъ, что онъ былъ на то уполномоченъ, чтобы приобрести вліяніе на печать. Онъ отвергалъ всякое участіе въ дипломатическихъ раскрытіяхъ, напечатанныхъ въ вѣнской газетѣ «Presse», но сознался въ составленіи разсужденія, напечатаннаго въ «Аугсбургской Газетѣ» по поводу третьяго письма въ Деллингеру и въ статьѣ, помѣщенной въ «Шпенеровой Газетѣ».

Браунъ далъ показанія о раскрытіяхъ, напечатанныхъ въ вѣнской газетѣ «die Presse». Депутатъ германскаго сейма Браунъ, редакторъ Зелике и Посадъ были также выслушаны. Браунъ заявилъ, что Поль Линдау, въ маѣ, по порученію графа Арнимъ, просилъ о принятіи статьи. Свидѣтель показалъ, что онъ безъ успѣха предлагалъ графу Арниму купить «Шпенерову Газету». Зелике повторилъ извѣстныя уже показанія. Посадъ объявилъ, что онъ не можетъ дать никакихъ показаній. Свидѣтели приведены были къ присягѣ, несмотря на протестъ Докгорна противъ присяги Зелике.

(Из № 277 Прав. Вестн.)

29-го ноября (11-го декабря), пятница, вечеромъ. Въ сегодняшнемъ вечернемъ засѣданіи суда послѣ Посадъ выслушано было показаніе со вѣтника-докладчика въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ Бюлова. Онъ давалъ объясненія относительно статьи, появившейся въ газетѣ «Echo du Parlement». На вопросъ прокурора г. Бюлова объявилъ, что,

сколько ему извѣстно, всѣ распоряженія князя Бисмарка постоянно излагались въ строго бюрократическомъ порядкѣ.

Свидѣтель Ландсбергъ (парижскій журналистъ) отказался дать показанія относительно источника дипломатическихъ раскрытіи въ вѣнской газетѣ «Die Presse», такъ какъ подобныя показанія могутъ повредить его роду занятій. Ландсбергъ призналъ своими письма, захваченныя у графа Арнимъ, и показалъ, что графъ Арнимъ часто говорилъ съ нимъ объ основаніи газеты или о покупкѣ уже издающейся, но свидѣтель не придавалъ серьезнаго значенія этимъ разговорамъ. Относительно послѣдняго показанія свидѣтель былъ приведенъ къ присягѣ. Въ шесть часовъ вечера засѣданіе суда было отложено до слѣдующаго дня.

30-го ноября (12-го декабря), суббота.

Въ сегодняшнемъ засѣданіи суда, прокуроръ заявилъ о недостоверности показаній родственниковъ обвиняемаго съ некоторыми свидѣтелями. Президентъ суда порицалъ такой образъ дѣйствія. Свидѣтель, уголовный инспекторъ Пикъ, заявилъ о частныхъ сношеніяхъ Муррея съ управляющимъ дѣлами графа Арнимъ. Въ числѣ захваченныхъ у графа Арнимъ личиковъ, одинъ изъ нихъ, въ которомъ можетъ быть находился письменный столъ, не былъ вскрытъ. Графъ Весделенъ заявилъ, что Ландсбергъ говорилъ съ нимъ о раскрытіяхъ въ вѣнской газетѣ «Die Presse» такими образомъ, какъ будто ему извѣстно, что они послѣдовали по порученію графа Арнимъ. Ландсбергъ подтвердилъ это показаніе.

Затѣмъ послѣдовало чтеніе документовъ, относящихся до брюссельской газетѣ «Echo du Parlement» и вѣнской газетѣ «Die Presse». Обвиняемый призналъ, что промеморія, напечатанная въ «Die Presse», исходитъ отъ него, но оспорила всякое объясненіе о томъ, послѣдовало ли это обнаруженіе, отъ него, или нѣтъ. Графъ Арнимъ отказался также объяснить имена тѣхъ, кому были адресованы оба сообщенія письма, но повторилъ, что въ числѣ ихъ Гепе не находится. Графъ Арнимъ призналъ прочитанные документы.

Послѣ того предсѣдатель суда представилъ бумаги, захваченныя у графа Арнимъ въ Нассенгейде (копировальная книга и проч.), которыя признаны обвиняемымъ. Судъ постановилъ прочесть эти бумаги.

Вечеромъ. Въ сегодняшнемъ вечернемъ засѣданіи суда, происходившемъ при закрытыхъ дверяхъ, дѣло шло о церковно-политическихъ документахъ, заключающихся въ первой группѣ обвинительнаго акта.

(Из № 278 Прав. Вестн.)

2-го (14-го) декабря, понедѣльникъ. Въ сегодняшнемъ засѣданіи суда по дѣлу графа Арнимъ давалъ показанія секретарь посольства Голстейнъ. Рѣчь его трудно было слышать. Онъ объяснялъ, что не имѣлъ никакого порученія относительно надзора за графомъ Арнимомъ. На вопросъ графа Арнимъ онъ сознался, что имѣлъ и ренеску съ Берлинкомъ, которая угодила отъ политики графа Арнимъ, но объявилъ, что если такая переписка графу Арнимъ непріятна, то онъ будетъ просить себѣ перевода на другое мѣсто. Голстейнъ указалъ на разноречіе политическихъ воззрѣній князя Бисмарка и графа Арнимъ относительно будущей формы правительсва во Франціи, но замѣтилъ, что онъ ничѣмъ не можетъ увѣрять графа Арнимъ въ дѣлѣ извѣрженія Тьера. Голстейнъ упомянулъ, что графъ Арнимъ сказалъ Бекману: «Я не подаю просьбы объ отставкѣ къ министру, меня также не причисляютъ, такъ какъ у меня находится некоторые письменные документы, компрометирующие Бисмарка». Голстейнъ привелъ также изреченіе Ландсберга, по словамъ котораго графъ Арнимъ сказалъ, что Бисмаркъ желаетъ войны съ Франціей. Голстейнъ, по его словамъ, сообщилъ все это своимъ знакомымъ въ Берлинѣ, съ порученіемъ сообщить это выраженіе графа Арнимъ Бисмарку. По его словамъ, это было единственное письмо, содержаніе котораго онъ просилъ передать Бисмарку.